

ИМАН КАЛЬБИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОДЕРЖИМЫЕ НАСЛЕДНИКИ
Дамасский жасмин

Иман Кальби
Одержимые наследники.
Дамасский жасмин.
Книга третья
Серия «Одержимые
наследники», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67184237
SelfPub; 2022*

Аннотация

Заключительная часть истории об «Одержимых наследниках»... Еще горячее и откровеннее... Погрузитесь в атмосферу знойных властных мужчин с их одержимой любовью, красивых женщин, сильных, как камень, но при этом готовых плавиться в руках любимых, как лава... В этой части мы не только узнаем, как сложатся судьбы уже полюбившихся по предыдущим частям героев, но и окунемся в мир старых тайн, многие из которых навсегда перевернут жизнь «одержимых наследников»...

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО И ЧУВСТВЕННО.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Иман Кальби

Одержимые наследники.

Дамасский жасмин.

Книга третья

Глава 1

Спустя год

Мужчина прошел в погруженную во мрак комнату. Она слышала его шаги, что отражались звонким эхом по мраморному полу еще в коридоре, невольно содрогнулась. Когда дверь распахнулась, пропуская его внутрь и вмиг наполняя ее легкие пряным, маскулинным запахом парфюма, ее кожа покрылась мурашками. Поза была несколько неудобной. Девушка стояла на коленях уже с получас. Руки покорно заведены назад, голова опущена. Густые волосы собраны в высокую прическу. Тело украшено черным сексуальным бельем, аппетитно обнимая лентами– бандажами ее тело, подчеркивая его достоинства...

Услышала его дыхание. Шумное, порывистое. Ему явно нравилось то, что он видел...

Подходит близко. Так, что она видит его идеально начи-

ценные черные ботинки, но поднять голову не решается. Чувствует жар его тела, даже через преграду делового костюма. Его прикосновение к ее голове, пальцами вниз по шее.

– Ты была хорошей девочкой, Люльки? – спрашивает хрипло, не ожидая ее ответа.

В такие минуты он не разрешает ей говорить. Только стоны... Или «господин» в момент достижения оргазма... Нет, ей нельзя называть его по имени... Сейчас нельзя...

– Твоя вчерашняя выходка заслуживает наказания, девочка, ты это осознаешь?

Снова тишина. Она лишь кусает пухлую нижнюю губу. Капризно, вызывающе, соблазнительно. Он видит это. Заводится еще больше. Член нетерпеливо рвется из штанов.

– Я сидел на важных переговорах, а ты отвлекала меня своими провокационными фото... Чего ты добивалась, отправляя мне такое?

Как же хрипло он говорил... От одного этого голоса у нее внутри все переворачивалось в предвкушении...

– Я соскучилась, господин... Вы за всю поездку прислали мне всего три сообщения... Мне хотелось привлечь внимание...

– Тсссс, – перебил он ее одновременно и шипением, и нажатием большим пальцем на губы, – разве я разрешал тебе говорить?

Его голос был жестким. Даже бьющее волнами тока возбуждение, несколько отступило на фоне этой жесткости.

Амаль глубоко выдохнула. Она нарушила важное правило... Его правило... А он ненавидел, когда кто-то осмеливался действовать не по установленным им правилам...

– Дерзкий рот... – размазывает слюну по ее аппетитным ждущим губам. Глубоко, хрипло дышит, – который нужно хорошенько наказать.

Она почти не дышит от волнения и предвкушения... От этого нестерпимого, влекущего и одновременно пугающего предвкушения... Слышит лишь звук расстегиваемой молнии. Еще мгновение – и ее губ касается головка его члена, горячая, влажная... Бесцеремонно проталкивается внутрь, и тут же, не давая ей возможности привыкнуть, адаптироваться, пускается в развратный, порабощающий танец. Он двигается грубо, она умело принимает его в себя, для собственного удобства кладет руки на его бедра, но он жестко одергивает ее словами.

– Руки назад. Я не позволял тебе касаться меня.

Этот животный акт длится несколько минут. В комнате слышны мужские сдавленные стоны и характерные звуки, которые еще больше делают его озверевшим от порочности всей ситуации. Наконец, накатывает долгожданное облегчение. Громко рыча, он мощно изливается в нее, в этом как раз не спешит, наслаждаясь щедро предоставленной теплотой ее рта и мягкостью губ... Мужское дыхание с каждым вдохом становится все спокойнее и ровнее. Он выходит из нее, размазывая свое семя по припухшим губам. Наслаждается иде-

альной картиной покорности... Уже не такой голодный, не такой остервенелый от желания...

Мгновение – и атмосфера вокруг меняется. Фахд хлопает в ладоши, зажигая неяркий свет, чтобы дать возможность их глазам привыкнуть после обволакивающей темноты. Опускается перед женой на колени. Нежно целует в губы, не отрываясь от нее, тянется рукой к брошенному, на стоящей рядом банкетке, пеньюару. Так же бережно накрывает ее плечи.

– Как я скучал, малышка Люльки... Думал, умру, пока долетим из этой гребанной Японии...

– Хороший способ продемонстрировать свою тоску по мне, – саркастично улыбается, поднимаясь, наконец, с колен.

Он помогает ей, придерживая.

Неодобрительно цокает языком.

– Почему ты опять стоишь коленями на голом полу? Разве я не учил тебя класть специальную подушку? Это больно, травматично, к тому же ты можешь застудить суставы, Амаль...

– Все нормально... Так я... Лучше вживаюсь в роль что ли... – улыбается смущенно.

А он снова придвигает ее к себе...

– Извини, но мне это было нужно... После тех твоих фото и видео я просто думать ни о чем не мог, кроме как о твоём ротике... Захотел тебя так, жестко, без прелюдий... Но... сегодня ночью, любимая, я буду самой нежностью... – почти невесомо касается ее шеи, целует, порхая губами по атлас-

ной коже.

Амаль резко притягивает его к себе.

– Никаких «Извини», Фаххуд, ты прекрасно знаешь, мне самой это дико нравится... И к тому же я... Не хочу нежно... Хочу тебя глубоко в себе... – прижимается к нему еще ближе, – это ты получил только что разрядку, а я чертовски хочу тебя, муж... В следующий раз, когда ты снова свалишь от меня почти на неделю, я куплю себе фаллоимитатор...

– Сучка... – выдыхает ей в губы, снова наливаясь возбуждением, – разве ты не помнишь, что тут, – накрывает руками ее промежность, – могу быть только я...

– Но тебя там нет... Уже неделю... – обиженно, но при этом провокационно, трется о его руку.

Фахд прекрасно понимает недвусмысленный намек. Резко прижимает ее к стене. Одним выверенным движением оказывается внутри, даже не удосуживаясь попробовать ее пальцами, открыть для себя. Она мокрая, дьявольски мокрая... Девушка протяжно стонет и резко подается бедрами ему навстречу. Амаль так напряжена и голодна, что уже после нескольких резких, размашистых движений, ее, наконец настигает долгожданная разрядка. Сладко, облегчающе, обжигаяще... Так, как нужно...

Вот теперь они на одной волне. Стоят несколько минут, обнявшись. Восстанавливая дыхание...

– Хочу тебя себе на несколько дней, Фахд... Чтобы никого

рядом... – тихо дышит в его грудь. Целует ее произвольно, играя с черными завитками на идеальном мускулистом рельефе.

– Как бы я этого хотел... Обещаю, в конце месяца я украду тебя и себя у этого мира... Уедем вдвоем куда захочешь... А сейчас. Сейчас придется несколько дней поторговать лицом...

– Понимаю, – вздыхает она спокойно.

Они выходят из комнаты, направляясь в свою основную спальню. Теперь, уже полностью спокойные, максимально расслабленные... Способные говорить, как адекватные, деловые люди...

– Как прошло открытие школы для палестинских беженцев?

– Все хорошо. Ты наверняка видел фото и пресс– релиз. Хороший проект... Рада, что мы за него взялись...

– Это не мы взялись, Люльки. Это, ты нашла его, среди сотен других пустых предложений, увидела в нем потенциал. Я горжусь тобой. Все, что бы ты ни делала, имеет успех...

– Перестань, здесь моей заслуги мало... – смущенно отвечает девушка.

Фахд берет ее лицо в руки. Поднимает на себя так, что их глаза пересекаются.

– Никогда еще рейтинги правящей семьи не были столь высоки, малышка... Ты самая популярная женщина в Эмиратах. Тебя любят, как родную... И это только потому, что

ты – это ты... Горжусь тобой.

Девушка, отвечает благодарностью, в виде глубокого, интимного и очень нежного поцелуя. Она тоже им гордится... Ее жизнь возможно и непроста, в ней есть много клякс «на полях», о которых не принято говорить, но когда он вот так близко стоит, прижимая к себе, все тяготы отходят на второй план...

– Не хочу отрываться от тебя, малышка, но нужно отъехать, переговорить с отцом. Японцы предложили несколько многообещающих проектов. Целесообразно устроить быстрый брейн–сторм, а вечером я буду весь твой...

– Да, конечно, – понимающе кивнула Амаль.

Амаль

Уже через пару минут, девушка стояла под расслабляющими струями воды, думая о них... После той сумасшедшей ночи в шатре, перевернувшей все в ее жизни, определившей дальнейшую судьбу, прошло больше года... А супруги все еще не могли утолить жажду друг по другу... Ярko горели... Здесь, под теплыми, обволакивающими струями воды, наедине с собой, когда можно было снять с себя все реальные и условные короны, когда можно было вновь почувствовать себя девочкой Аммули, она могла себе признаться, что старалась для него... Старалась быть хорошей женой, достойной Его женой. Во всех смыслах...

Давала ли ему все, что он хотел? Муж утверждал, что да... И Амаль верила ему. Очень старалась в этих отношениях,

возможно, в этом был секрет. Впрочем, как и он... Вот только, если старания Фахда сводились к тому, чтобы позволять жене чувствовать себя максимально любимой и реализованной, то в ее случае, постоянным «дамокловым мечом» над ней висела идея— фикс, что до нее ему было дозволено намного больше... Непроизвольно в голову то и дело лезли мысли о том, что мужчина, познавший вкус стольких женщин, рано или поздно пресытится одной... Это как гурман, которого заставляют все время есть пусть и первоклассный, но один и тот же стейк... И тогда, она захотела все время меняться для своего гурмана, постоянно удивлять... Амаль старалась давать ему это «больше». Но главное, это нравилось ей самой...

О том, что в Фахде присутствует доминант, Амаль поняла еще в их медовый месяц. Они занимались сексом много и по—разному. Красиво, нежно, грубо. Чаще грубо, и не только потому, что страсть достигала точек кипения не только потому, что никак не наступало насыщение, после долгой, фееричной прелюдии, последовавшей после его поспешного сватовства... Иногда, Фахд специально создавал провокационные ситуации, которые показывали его самого деланно сердитым, и эту жесткую энергетику он сразу стремился впустить в их близость, заставляя Амаль виновато подчиняться его воле. Возможно, были бы они на разной волне, не приемли девушка таких поползновений, ее восприятие такой ситуации было бы негативным, но... Такая резкая форма

его полового поведения тоже сильно ее заводила. Нет, она не хотела видеть его таким всегда, но... в те разы, когда между ним происходили подобные инциденты, она чувствовала удовольствие по- особому пикантно, по- другому... Опытный Фахд не мог этого не увидеть.

Она помнит этот разговор, как вчера...

Они сидели у костра, смотря на звездное небо. Медовый месяц, как и предложила Амаль, проходил в его особняке. В пустынном оазисе, совершенно сказочном месте, более напоминающем марсианские пейзажи из фантастических фильмов, потому что здесь—то они на самом деле и снимались— красные пески, причудливой формы скалы из песчаника, удивительные редкие растения... Но все это осталось там, при свете солнца. Сейчас же были только они вдвоем, тишина пустыни и звездное небо, такое близкое и такое волшебное в этой Его Вселенной... Рука Фахда блуждала по ее оголенному бедру, после очередного жаркого соития. Каждый вечер он отпускал прислугу в город, предоставляя этот мир только им одним... И сейчас, они были только вдвоем, на многие километры, как в первый свой раз... Голые, уставшие и довольные... Укрытые лишь покровом ночи...

– Тебе нравится моя грубость, Люльки... – откровенно, не ходя вокруг да около, произнес Фахд задумчиво. Он, как всегда, не спрашивал. Констатировал...

– Думаю, что да...– ответила, через некоторое время,

честно... — а тебе нравится быть грубым...

Некоторое время Фахд молчал...

— Так я расслабляюсь... Скидываю напряжение... Это был... мой маленький секрет, Люльки... Все эти годы... Наверное, стоило сказать тебе раньше, но... Мне почему-то сразу показалось, что ты поймешь меня и разделишь это со мной... Знаешь, такого рода отношения— вещь очень тонкая, психологическая... Ты должен очень хорошо чувствовать своего партнера, чтобы предлагать ему такое... Только взаимность, только взаимное желание...

Амаль кашлянула, облизнула пересохшие губы, пытаюсь справиться с волнением...

— Ты хочешь... как в фильмах, да? Господин и рабыня? Я должна буду беспрекословно слушаться тебя?

Он засмеялся.

— Все это только для фильмов или уж совсем замороженных людей, малышка... Не люблю и не понимаю весь этот постоянный доминирующий бред в отношениях, когда мужчины хотят видеть возле себя безропотных рабынь, нет... Но в определенных ситуациях я люблю доминировать, Амаль... Мне нужно получать эту абсолютную власть над женщиной, время от времени... Возможно, иногда наказать... За реальный косяк, а ведь у вас их столько, так что, всегда найдется за что... Возможно, иногда быть чрезмерно требовательным и жестким... Но только в пределах спальни... По договоренности... Я не хочу унижать или притеснять тебя... Я хочу...

играть... Иногда, время от времени...

– Я тоже хочу попробовать с тобой играть... – посмотрела в его глаза, провела по щетинистой щеке.

Фахд резко выдохнул.

– Вот этот твой микс, стервы и овечки, сводит меня с ума... Хочу видеть в тебе одновременно и свою тигрицу, и свою сабу... – выдохнул шумно, протерев ладонью лицо, – знаешь, я ведь часто с другими, представлял на их месте тебя... «Ты у моих ног» было с детства моей сокровенной фантазией, Люльки... Повторюсь, только иногда... По договоренности... Попробуем?

– С удовольствием, – выдохнула и вытянулась перед ним, как кошка, вынудив тем самым, вновь впиться губами в её аппетитно подставленные груди.

Фахд и Амаль понимали в интимных вопросах друг друга без слов. В реальной жизни, они могли спорить и не соглашаться по многим вопросам, но в постели, у них всегда царил полное взаимопонимание. Во избежание недоразумений, они даже выработали специальный ритуал. Всякий раз, когда Фахду нужно было видеть ее покорной, у своих ног, он заранее презентовал ей черную жемчужину... Это было волнующе, эротично, по– заговорщицки мило... Это был только их маленький секрет... Он мог передать ее с букетом цветов, находясь далеко, как сделал сегодня, мог отправить со службой в изящной коробочке, мог вложить в руку, когда они бы-

ли вместе на каком-то мероприятии... Этот ритуал – фактор предвкушения, ожидания, уже сам по себе, до невозможности возбуждал Амаль... А то, что происходило в специальной комнате, за закрытой дверью, заставляло сердце учащенно биться, стоило только об этом подумать. А еще она поняла, что такие отношения, предполагают очень высокий уровень доверия друг к другу, равно как и заботы... Парадоксально, но подчас наиболее «долюбленной», заласканной его вниманием, девушка чувствовала себя, именно в «дни черной жемчужины», как они их называли...

Сегодня, она сама хотела его грубости. Нарочно начала провоцировать мужа накануне, откровенными фото и двусмысленными сообщениям, зная, что он на переговорах всегда проверяет телефон и отвечает, когда пишет именно жена. Когда за завтраком Амаль принесли, только что выловленную из моря раковину, потом при ней же открыли – извлекая черную жемчужину, девушка не могла сдержать улыбки... Предвкушала их встречу, облачая себя в эффектное нижнее белье, представляла, как это будет.

Сейчас, стоя под расслабляющими струями воды, чувствуя, наконец, как приливает кровь к коленкам, затекшим на полу, Она до сих пор ощущала его вкус на губах. Она любила этот вкус... Наверное, потому, что любила всего Фахда... Это чувство окрыляло...

Вышла из душа, тут же увидела заходящийся в дрожи мобильный. Звонил Фахд.

– Прости, была в ванной.

– Ок. Любимая, планы на сегодня немного меняются...

Отец пригласил нас на ужин... Только я, ты, он и Юлианна... Извини, не смог отмазать нас... Но, надеюсь, мы быстро управимся...

– Да, конечно, – Амаль выдавила из себя приветливый тон, хотя сердце ее сжалось. Она не любила встречи со свекром... В стороне держалась и от его жен... Юлианна для нее все еще была темной лошадкой... Самой неоднозначной, непонятной и трудно считываемой... «Вечер перестает быть томным» ...– подумала про себя. Положила трубку, выдохнула, с тоской посмотрев в зеркало, и начала одеваться...

Глава 2

Амаль

– Как мы рады вас видеть, молодые, красивые, – в дежурной улыбке, расплылся перед Фахдом и Амаль Шериф Макдиси, величественным, но гостеприимным жестом, приглашая их войти. Стоящая рядом с ним, сублильная, высокая блондинка с кудрявыми волосами, сдержанно и несколько отстраненно улыбнулась, на европейский лад, протянув руку гостям в дружеском рукопожатии.

– Добро пожаловать, – произнесла деликатно, встретив заинтересованный взгляд Амаль. До сих пор ей так и не удавалось пообщаться с третьей, самой молодой, женой Шерифа Макдиси, наедине... Как– то так получалось, что все разы, когда они были участниками семейных мероприятий, народу было слишком много, присутствовала не только она, но и две другие жены правителя Эмиратов, его многочисленные дети, родственники, слуги. А сейчас, вблизи, Амаль почему– то захотелось узнать ее получше, пообщаться, очень уж противоречивым был ее образ... Эта молодая женщина, словно, была вещью в себе... При том, очень интересной вещью... той, которую хочется рассматривать со всех сторон... Стоит как– то попытаться установить личный контакт... Хоть Амаль и знала, что Фахд ее недолюбливает... Впрочем, это было предсказуемо– вокруг Юлианны в семье, вечно проис-

ходили какие– то распри и микроскандалы... Это, собственно, и удивляло... Она не производила впечатление горячей оторвы... И тем не менее, их жизнь с Макдиси была бурной, эмоциональной... Отец возле нее, как неоднократно говорил Фахд, превращался в непоследовательного человека... Интересно, почему, если первое, что почувствовала Амаль, встретившись глазами с Юлианной, была нордическая взвешенность женщины...

Через четверть часа они уже сидели за богато сервированным столом.

– У нас морское меню, – мягким голосом проговорила Юлианна, исполняя роль хозяйки вечера, – ваш протокольник сказал, что это беспроектный вариант, что вы оба большие любители морепродуктов.

– Спасибо, Юлианна, очень мило с вашей стороны интересоваться нашими предпочтениями, – дежурно вежливо ответила Амаль.

– Дорогие мои, предлагаю отставить в сторону все эти условности и поужинать просто как члены одной семьи. Нам не часто удается вот так собраться, такие моменты ценны, как драгоценности... – патерналистским тоном вставил Макдиси– старший.

Далее разговор полился более расслабленно... Говорили о последних новостях культурной и деловой жизни Дубая, о погоде, неизбежно снова скатились к обсуждению политических вопросов– планов с японцами, предстоящих деловых

поездок Фахда и самого шейха Макдиси.

– В конце месяца я бы хотел взять тебя с собой в Париж, Фаххуд, – деловито констатировал Макдиси, умело разделявая краба щипцами, – эта поездка, очень важна для нас в глобальных масштабах... Французские бизнесмены, готовы вкладывать большие инвестиции в наши проекты...

– Прости, отец, но в конце месяца никак... У нас ведь грядут праздники в Дубае. Мы бы хотели взять с Амаль небольшой перерыв, два– три дня, не больше, и уехать вдвоем, в частную поездку...

Макдиси – старший приподнял бровь, продолжая кромсать красно– оранжевый панцирь бедного членистоногого, добираясь до белого кашеобразного мяса.

– Так приятно смотреть на вашу страсть, дети, – начал он максимально сладким голосом... – уже больше года с того дня, как вы вместе, а она все еще горит так ярко, что иногда слепит всех нас, стоящих рядом...

В комнате повисло напряженное молчание... Все ждали еще одного выпада от Шерифа.

– Ты большая молодец, Аммули... – перевел свой обманчиво расслабленный взгляд теперь на нее, – «Аравийская жемчужина» ... так тебя называют в народе... Это просто удивительно, что ты так быстро, легко и непринужденно, завоевала любовь народа... Не твоего народа по крови... Учись, Юлианна... Мы вместе больше пятнадцати лет, а ты, наверняка, даже затруднишься сказать, кто был первым пра-

вителем Дубая... – бросил насмешливый взгляд на блондинку Шериф.

Та ничего не ответила, даже в лице не изменилась, лишь молча отпила глоток золотистой жидкости из бокала, не повернув голову на мужа.

– Мне нравится ваше рвение, ребята... Вы большие молодцы, много работаете на благо этой страны и ее авторитета, а после тяжелой работы действительно нужно и хорошо отдышаться... – продолжил, переводя теперь глаза с одобрительной улыбкой снова на сына и невестку.

– Хорошо бы, чтобы такое же рвение вы проявляли и в отношении других своих обязанностей... – вот он, удар ниже пояса... Амаль ждала его... Предчувствовала, что все неизбежно сведется к этому...

– Отец... – предостерегающе вмешался Фахд, но Макдиси – старший был неумолим, когда дело касалось того, что он хотел высказать.

– Вы год вместе, не вылезаете из постели. Да – да, не надо так на меня смотреть смущенно, вашу активную жизнь обсуждает вся прислуга, да и что тут такого, мы все взрослые люди, вы красивая, активная пара, женатая по любви, так и нужно, я никогда не был в этих вопросах ханжой... Вот только почему – то все эти ваши усилия заканчиваются безрезультатно... Амаль, дорогая, я ведь говорил тебе, как все мы ждем наследника... Этой стране нужен здоровый мальш, с твоими прекрасными глазами и улыбкой, и чем – то еще от

Фахда... Уверен, Васель, тоже бы хотел поддержать на коленях внука от любимой дочери... Вы расстраиваете, разочаровываете стариков, молодые.

И Фахд, и Амаль смотрели в свои тарелки... Эта тема действительно была болезненной... Они даже секретно ходили по врачам, которые не обнаружили никаких отклонений... И Амаль, и Фахд были совершенно здоровы... Доктор сказал, нужно просто отпустить ситуацию и довериться природе, вот только отпускать не получалось— все вокруг давили, ждали, шептались, сплетничали... Словно, наконец, в их красивом, семейном счастье удалось найти недостаток, и теперь все пытались с радостью на него указать пальцем...

— Я говорю, исходя из своего негативного опыта, дорогие мои... У меня трое жен, а большая часть детей от наложниц... Стратегически это неправильно... Только к детям, рожденным в законном браке, нет претензий в отношении власти... Вы должны учитывать это, ребята... И не терять времени впустую... При необходимости принимать экстренные меры... Вот, мы с Юлианной, к примеру, столько лет пытаемся— и нет детей... А все потому, что первые годы думали не о потомстве, а о гулянках... Упустили свой шанс... А я так бы хотел снова взять на руки законнорожденного сына со светлыми глазами и волосиками, каким был ты, Фаххуд... Кстати, ты знал, что в детстве был светловолосым? Со временем волосы потемнели...

Можно бы было подумать, что Шериф почувствовал, что перегнул палку, попытавшись перевести тему, но все присутствующие слишком хорошо его знали, чтобы поверить в такой ход... Юлианна сидела с каменным лицом. Амаль была подавлена не меньше. Фахд, то и дело стрелял на отца молниями своего внутреннего, подавляемого гнева...

К счастью, основная часть ужина подходила к концу... Со стола незаметно убрали еду, накрыв соседний десертный столик для подачи кофе.

– Кстати, Амаль, у меня для тебя подарок..., – вставая из-за стола, произнес Шериф и рукой пригласил всех пере-сесть, – давно хотел вручить тебе его, но никак не было okazji... Он протянул руку к стоящему рядом комоду. Взял оттуда красивую коробочку, дал ее девушке.

Амаль открыла футляр, обнаружив там изысканное исполнение знаменитой «руки Фатмы» или «Хамсы», как называли символ в виде женской ладони в арабских странах. Искусно выполненное украшение из платины, усыпанное бриллиантами и сапфирами, красиво переливалось под светом многочисленных люстр помпезной залы.

– Очень красиво, спасибо огромное! В Сирии очень почитают Хамсу. У отца есть старинный дом в старом Дамаске, которому более трехсот лет, там есть мозаика в форме этого символа... Мы верим, что хамса защищает от сглаза и приносит удачу. В Сирии она существовала еще до ислама, многие до сих пор называют ее рукой Иннаны, древней богини

Шумеров. А еще поговаривают, что она приносит дождь... Так рассказывала мне наша старая няня из Латакии... Она хранила все древние сирийские легенды...

Шериф широко улыбался, слушая Амаль.

– Есть и еще одна занимательная легенда, связанная с Хамсой, дочка. Корнями она посвежее— берет свое начало в годы раннего ислама и рассказывает о том, что дочь Пророка Мухаммада Фатима, готовила кипящую халву, в тот момент, когда ее муж Али, привел в дом свою новую жену... Женщина была шокирована. Расстроена так сильно, что по наитию, засунула вместо ложки, в кипящую жидкость— руку, и некоторое время мешала ею бурлящую стряпню, ничего не ощущая, но, даже когда почувствовала, не подала виду... Эта поучительная легенда говорит нам о величии женщины в умении терпеть и стойко принимать свою женскую долю... Не поддаваться импульсам и ревности... Это символ женского терпения, Амаль... Умение усмирять гордыню, принимать выбор мужа во всем... Замечательное качество, не находишь, Амаль? Оно есть залог успешного брака... Крепкого, надежного...

Его взгляд прожигал. Амаль деланно улыбнулась, не произнеся больше ни слова. Если бы сказала хоть слово, неминуемо бы сорвалась... Эти слова, этот тон, этот взгляд... Еще чуть— чуть— и она выцарапает ему глаза... Хотела было переместиться к Юлианне, попытаться начать с ней разговор, ни о чем, только чтобы уйти от этого неприятного, двусмыслен-

ного разговора, но та продолжала проявлять полное равнодушие к происходящему... Ее вид вообще был очень странным. Словно она была не здесь... Словно про себя считала секунды до того, как закончится этот давящий на всех присутствие Шерифа Макдиси ужин...

– Отец, хотел попросить тебя отпустить нас домой без кофе... раз уж мы сегодня ужинаем по– семейному, без протокольных расшаркиваний, хочу признаться, что очень устал после перелета из Японии... Никак не получилось поспать в самолете... Хотелось бы побыстрее добраться до постели и восстановить силы...

Шериф улыбнулся.

– «Добраться до постели» говоришь? Конечно, сынок... Понимаю тебя... Долгая разлука с женой... В праве ли я тебя останавливать? Наслаждайся молодостью, дорогой мой мальчик...

Перевел взгляд на совершенно потерянную Амаль. На секунду он загорелся каким– то странным, нездоровым огнем... Она не могла понять, что за ним стоит... Да и не хотела сейчас ничего понимать, единственное желание– быстрее сбежать из этого склепа... Быстрее спрятаться от недоброй ауры этого мужчины...

Уже в машине, прерывая повисшее напряженное молчание, Фахд поцеловал ее в шею, положив руку на колено.

– Знаю, Люльки... Он бывает той еще занозой в заднице... Не принимай близко к сердцу... Все будет хорошо...

Амаль вздохнула, еле подавляя желание расплакаться...

– Устала, Фахд... Устала от этих взглядов... Они все шепчутся за спиной, что мы бездетны... Вернее, нет... Не так... Про тебя– то как раз никто ничего не думает... Все думают, что это я не в состоянии родить...

– Не говори ерунды, Люльки, Врачи как один говорят, что все с тобой хорошо... Надо подождать...– в его голосе была уверенность и успокоение. Правда, между бровей непроизвольно пролегла складочка... Амаль поймала выражение его лица в блике окна автомобиля и печально про себя усмехнулась... Она знала этот взгляд... Он был напряжен... Что–то его все равно угнетало, хоть он и пытался представить ей дело так, что Шериф просто добавил свою ложку дегтя в их бассейн с медом...

И почему жизнь так парадоксальна... Мадлен и Анвару хватило одного раза, чтобы зачать малыша... А они с Фахдом... Если бы от каждой близости между мужчиной и женщиной рождались дети, они бы уже заселили всю пустыню...

– А к чему был этот цирк с хамсой, Фахд? Скажи мне честно... Что он задумал? Твой отец никогда ничего не говорит просто так... Что, на горизонте появилась вторая жена для тебя, да? Выгодная партия? Или плодовитая, как крольчиха... Это на это он намекал? – ее голос едва не срывался на рев.

Мужчина устало выдохнул. Повернулся к ней всем корпу-

сом, взял лицо в свои руки.

– Послушай, Люльки, я говорил тебе это миллионы раз и снова повторяю... Ты единственная, понимаешь? Единственная в моем сердце. Никто и никогда это не изменит... Вот о чем ты должна думать и ни о чем не волноваться... Выкинь из головы его выходки сегодня. Старику обидно, что его время любить ушло... Вот и завидует, пытаюсь сделать так, чтобы вместо горячего секса мы с тобой сейчас выясняли отношения...

Амаль ничего не ответила... В душе все клокотало... Конечно, муж придумывал доводы ее успокоить... Шериф был слишком умен, чтобы банально пытаться вот так примитивно досадить тем, у кого есть то, что у него нет... С другой стороны, она верила в искренность Фахда, когда он говорил о своем отношении к ней... У нее правда не было оснований не верить мужу. Всем своим поведением он ежедневно доказывал свою любовь только к ней, но... Внутри все равно поселилось какое-то неприятное, изъедающее ощущение...

– И эта Юлианна... – задумчиво произнесла девушка, когда они уже въезжали на территорию своей резиденции, – тебе не кажется, что ее поведение было странным... Она случаем не под чем-то? Какая-то отстраненная, равнодушная... Я бы сказала, что она глупая пустышка, но понимаю, это ведь далеко не так... Насколько я знаю, она адвокат, состоявшийся в профессии, да и в 37 лет так вести себя – как минимум странно... К этому возрасту мозги появляются даже у самых

отъявленных дур...

– Не спрашивай, Люльки... Ты знаешь, я ее не люблю... Не понимаю до сих пор, что отец нашел в ней... Ну да, симпатичная мордашка, хорошая фигура, но... разве мало у него таких? Зачем надо было жениться на ней? Про «состоявшуюся в профессии» ты загнула... Он прихватил ее себе тогда, когда Юлианне было не больше двадцати двух, только выпустившаяся из института... Я очень хорошо помню тот период, потому что был тогда до невозможности шокирован... Мне было четырнадцать, когда она появилась в нашем доме... Всего на восемь лет старше меня...

– Напомни мне обстоятельства, как они познакомились... Я смутно помню...

Фахд усмехнулся.

– Все в стиле моего отца... Она была молоденьким адвокатом, только из института, защищала интересы какой-то горничной– эмигрантки из Румынии, которую поимел мой отец, в одном из горнолыжных отелей Швейцарии... Не знаю, правда ли там было изнасилование, но наивная мигрантка заявила именно об этом. Понимаешь, да, чем все закончилось? Румынка осталась у разбитого корыта, Юлианна– оказалась под отцом... Не знаю, что там между ними было, но отец умеет быть убедительным в отношении женщин... Разумеется, это не официальная версия. По официальной версии, они познакомились в Женеве в штаб–квартире ООН... Больше ничего я о ней не знаю и знать не хо-

чу... Могу только сказать, что отец продолжает вести себя с ней все эти годы, как дурак. Ты можешь себе представить, что он уже дважды с ней прилюдно разводился? Это как надо его выводить из себя, чтобы он впадал вот в такое мальчишество... Позорить себя перед слугами и членами семьи... Хорошо хоть, что не перед подданными... Короче, все это ужасно... Смешнее всего то, что это просто цирк— чтобы ее так проучить, наказать... Уж не знаю, какие рычаги давления у него на нее есть, уверен, что есть, но наверняка, реальных планов послать ее далеко и навсегда у него не было ни в первый, ни во второй раз так называемого «развода»...

Амаль усмехнулась... Она так до конца и не могла понять эту странную логику мужчин из Залива... Во всех семьях есть причины для скандалов, все ругаются, но зачем доводить до такого Ее родители тоже ругались, и далеко не единожды, но она ни при каком раскладе не могла бы себе представить, чтобы отец демонстративно развелся с Владой, чтобы ее проучить... А здесь такого рода выходки были сплошь и рядом... То и дело девушка слышала, как местные жены опасаются за то или иное свое своеволие, лень или холодность, получить «желтую или красную карточки», как в шутку про себя называла подобного рода вещи Амаль, делая отсылку к терминологии футбола. Возможно, все дело было в том, что здесь, в Заливе, женщины были более зависимы от воли мужчины, чем даже в Сирии, неважно, будь то муж, отец или брат...

Парадоксальным было то, что согласно исламу, оформить развод мужчине, можно было лишь произнесением три раза этого слова в присутствии двух свидетелей... Получается, от жены отказаться легче, чем сходить в магазин за хлебом... У противоположного пола, конечно, таких привилегий не было... Для оформления женщиной развода требовалось обратиться к мусульманскому судье, сослаться на конкретные причины для расторжения брака, при том подходят далеко не все причины... Отговорка в стиле «не сошлись характерами» не сильно впечатляла кади (араб. – мусульманский судья) ...

Стоило им зайти в дом, Фахд притянул Амаль к себе и глубоко поцеловал. Она чувствовала его нарастающее возбуждение, смешанное с хриплым «скучал» прямо в губы, но все–таки аккуратно отстранилась.

– Фахд, извини, нет... Не сегодня...

Он резко выдохнул.

– Ты сейчас шутишь? Что значит «не сегодня»? Амаль, я хочу тебя... Перестань драматизировать на ровном месте...

– Фаххуд, прошу... – тихо ответила, положив руки на его плечи, – я дико вымоталась... Просто на ногах стоять не могу...

– Тебе и не надо стоять...

– Давай утром, Фахд... Прошу... На рассвете... Как ты любишь... – умоляюще посмотрела она на него действительно

но уставшими глазами.

– Прекрасно... Старик добился своего...– усмехнулся мрачно Фахд, но девушку отпустил. Он и сам был далеко не в форме... Кардинальная смена часовых поясов, интенсивная рабочая программа в Токио, давали о себе знать давящим на голову «джет лагом». Через пятнадцать минут, он тоже лег рядом с женой, безапелляционно притянул ее к себе и тут же погрузился в сон...

Глава 3

Микаэл

Пить литрами алкоголь... Закидываться всякой дурью без разбора— когда совсем плохо, когда нужно сделать так, чтобы мозги отключились насильно, буквально нок аут. Вычеркнуть очередной черный день из жизни, стереть его ластиком, а с ним и боль... Но не стирается... Иногда вроде отпускает... Иногда удается уговорить себя на то, что всё значит всё... И даже наступает некое просветление... В такие дни надо срочно брать ноги в руки и нестись к матери— делать перед ней вид, что все вроде бы не так уж и плохо, успокаивать ее маниакальное стремление его спасти... От кого и от чего? От себя самого? Смешно... Потом опять накатывает. Накатывает внезапно... Эта боль приступообразная, а сами приступы— непредсказуемы... но когда они приходят, снова наступает этот блэк— аут... эта щемящая пустота, это парение над бездной без ощущения почвы под ногами... Боль бывает разной... Его же боль — самая невыносимая... Боль сожаления, боль отчаяния... Когда мучительно больно от того, что ничего не можешь отыграть назад... Да и стоило ли отыгрывать...

После шока потери, многие вещи стали очевиднее, яснее... Ясно было то, что она не любила его... Да, возможно, любила секс с ним... Но его самого— нет... Отчаянно хоте-

лось бы сказать, что любила его деньги, но язык не поворачивался. О, как ему хотелось внушить себе, что она просто продажная сука, высосавшая из него по максимуму и свалившая, но Оксана уехала, оставив всё... И наличные, и одежду, и украшения... Даже кольцо вернула через Амаль... Та, правда, видя его состояние, не стала отдавать его ему сразу... Лишь спустя пару месяцев... А он, лох, все это время думал, что хотя бы это у его бабочки осталось... Цеплялся за эту побрякушку, как за спасительный якорь... Словно факт того, что кольцо было у нее, что— то менял для них...

Конечно, попытки примирения были... Десятки попыток, может быть, даже сотни... Вернее, не так... Были его попытки хоть как— то, хоть в какой— то форме возобновить с ней диалог, про мир и воссоединение речи даже не шло... Просто, чтобы, хотя бы слово ему сказала в ответ... Действовал осторожно... Пытался пустить трещину по этому льду на берегу, едва касаясь ботинком белой кромки. Действовал грубо... Когда обрывал телефонные линии, отправлял килограммы цветов, которые она даже в дом заносить не позволяла, так и оставляла на лестничной клетке подъезда... Оксана была непреклонна. Через неделю после ее бегства, на его счета стали обратно поступать деньги... Он скрежетал зубами от беспомощной ярости, пытался перевести их обратно, но банки отказывали в транзакции... Она предусмотрела и это... Были попытки выйти на связь с ее семьей в Москве, тем более, что с ее матерью у него сложились хорошие отно-

шения... Он смог— таки дозвониться до нее , после битого часа звонков без ответа... Женщина поговорила с Михаэлем очень приветливо, даже сердечно, но честно сказала, что отвечает на его звонок в последний раз — Оксана четко поставила условия— если их общение продолжится, звонить матери перестанет уже она... С купленной им квартиры, Оксана заставила родительницу съехать почти сразу... Благо, что на тот момент Марина уже жила с Ахмадом, и возвращение в их былые условия не было столь болезненным для семьи...

Оксана просто вычеркнула Михаэла из своей жизни... Не было ни истерик, ни пререканий, ни попыток передать через многочисленных медиаторов свои обиду и претензии, по поводу того, что он сотворил... Просто не было ничего...

Все, что ему оставалось, наблюдать со стороны... А наблюдать было за чем... Спустя год после того, как она последний раз бросила на него полный боли и укора изумрудный взгляд, он продолжал медленно разлагаться, а она сияла все ярче... У Оксаны все было хорошо... И вот это самое «хорошо» отдавало в его мозгах вражеским злорадным смехом. Вот так, Михаэл... *Ты не центр ее Вселенной, как и было всегда... Посмотри, сколького она добилась всего за год без тебя..., и ты ведь знал, что добьется... Ты намеренно подрывал ее веру в себя, чтобы иметь большие рычагов контроля...*

Перед глазами лежит этот чертов журнал... Да, он гребанный дурак, скупивший тысячи его экземпляров... Слов-

но это что— то исправит... Словно эти его жалкие очередные попытки скрыть ее от посторонних, на этот раз читательских, глаз что— то изменят... Оксана теперь звезда, гребанная звезда, не стесняющаяся демонстрировать миру свое тело... Щедро делящаяся с этим самым миром, своим талантом... Игриво и непринужденно идущая по жизни, сворачивая головы... А он простой деградировавший маньяк— сталкер, на которого теперь работают несколько человек, обязанные докладывать ему о каждом ее шаге... Он знал о каждой новой фото в интернете, о каждой новой статье, о каждом ее выходе в свет или появлении на ТВ. Знал, в какие рестораны она предпочитает ходить, какой салон красоты посещает, где любит одеваться, какие книжки лежат на ее прикроватной тумбочке... Он был рад, что Мадлен и Амаль, отдали ей на время, свою пустующую квартиру, бесновался, когда она переехала оттуда... К тому... Как же внутри все драло, когда он смотрел на их совместные фото с частых субботних и воскресных прогулок, расслабленные, кажущиеся, пронизанные весельем и беззаботностью... С тем она была другой... Счастливее? Нет, наверное, нет... Просто другой... Более открытой, расслабленной, спокойной... А он, все надеялся рассмотреть на тех фотографиях, тень печали и тоски... тень страдания... По нему... Или он до сих пор тешил себя нелепыми иллюзиями, что все это делается, чтобы позлить его, показать ему, что он потерял... Теперь, он все знал о ней... Жаль только, что его все это не интересовало, когда

они были вместе... Ему тогда казалось, что он поймал бабочку в банку... На первом месте было одно желание— удержать, но не понять... Перед глазами в сотый раз бегут буквы...

«— Оксана, объясните, в чем Ваш феномен? Вы начали свою танцевальную карьеру всего год назад— и такой головокружительный успех... Ваша программа выступлений расписана на месяцы вперед, Вас приглашают лучшие хореографические площадки мира, Вы, стали лицом одновременно трех ведущих французских брендов одежды, а одно из самых авторитетных интернет— изданий, включило вас в десятку самых сексуальных женщин этого года...

— Глобально мой успех начался с большого провала... Как сейчас помню тот день... Как сердце билось в груди так, что было больно... Как сухо было во рту, зато как ладони потели... Я шла на просмотр в школу танцев Марка Долмати и понимала, что если провалюсь, просто не смогу больше дышать... Для меня— это бы стало концом... Позади я оставляла только пустоту и боль...

Знаете, я пришла к своей мечте не сразу... Мне понадобилось многое пережить, чтобы осмелиться бросить вызов судьбе... Наверное, таким, как я, чтобы уверенно идти вперед, нужно сжигать все мосты позади... Делать так, чтобы повернуть назад уже возможности не было... Наверное, я была слишком слаба, чтобы понять это раньше, да и не способна я была на такие радикальные действия... Но судьба

сама сделала так, что мосты были сожжены...

– Что Вы этим хотите сказать? Вы сейчас про сына премьер–министра Сирии, влиятельного бизнесмена Микаэла Увейдата? Признаться, эта история наделала шума в медиа–сообществе... Вы ведь были вместе... Серьезные отношения, поговаривали о свадьбе... Вы блистали на танцплощадках региона уже тогда, а потом внезапно пропали... Это связано с тем, что Вас с ним связывало? Я бы многое отдал за правду об этой истории...

– Нет никакой пикантной правды... Да, мы встречались... Но... Все закончилось так же быстро, как началось... Эту историю я бы хотела оставить без комментариев. Скажу только, что я за все благодарна Ему... Микаэл многое мне дал... Многое отнял... Но именно он, помог мне понять, кто я такая... это сложно объяснить, но иногда нужно почувствовать себя максимально слабым, полностью беспомощным, чтобы обрести истинную силу... Посмотрите на бабочек– нет на свете более хрупких созданий... А ведь они способны преодолевать тысячи километров...

– Эта бабочка, у вас на пояснице, ваше фирменное тату, которую читатели будут иметь возможность увидеть на Вашей фотосессии, отсылка к тому, что Вы сейчас сказали?

– Возможно... Но... Это очень личное... Я бы не хотела сейчас об этом говорить...

– Понятно... Ваше право... Так вернемся к теме Вашего поступления в школу Марка Долмати... Что было дальше?

Вы пришли на прослушивание и...

– Как я уже сказала, мне было непросто в тот период... Только за перспективу попасть туда, я цеплялась как за последний бастион своей веры в жизнь... В тот день, мне действительно удалось выступить перед Марком и... Я провалилась...

Помню это ощущение... Когда ты оказался именно в той яме, куда всеми внутренними фибрами верил, что не попадешь... Так ведь всегда с нами... Мы можем сколько угодно вслух, озвучивать самые ужасные варианты развития событий, но глубоко в душе, всегда верим в лучшее..., и я ведь тоже верила... До последнего... Но нет... Меня не взяли... И вот, настал тот предательский момент, когда нужно исполнить внутреннее обещание– перестать дышать, перестать жить... Я, даже не могла собирать себя по осколкам... Помню, как сидела на лавке перед входом в школу, смотря на молодых и красивых студентов, беззаботно шныряющих туда и сюда... Их настроение было таким легким, выражения лиц столь необремененными тяготами... Я чувствовала эту бездну, разделяющую нас... С одной стороны, они, с другой– я, со своей дырой в сердце... А потом запищал телефон... Я ведь не верила в это его «мы вам позвоним», хоть и оставила свой номер в анкете... Вернее, заранее знала, что для абитуриента школы это означает «нет»...

Послушайте, Оксана, Вы далеко ушли? – как сейчас помню, его хриплый английский выговор с характерным фран-

цузским акцентом... – надо переговорить....

Тогда он сказал мне, что мои страшные опасения подтвердились – как студентка школы я не подходила... Не та фактура, слишком яркая, не тот возраст... Зато, по его словам, мне стоит попробовать себя на запуске танцевальном тв-шоу, одним из продюсеров которого он являлся... Так, в общем – то все и закрутилось... Нет более быстрого пути к славе, чем любовь народа... Уже после первого выступления обо мне заговорили... Пошли эти сравнения с яркими танцовщицами фьюжн-жанра (*прим. смешение стилей*)... Народу нравилась экспрессия, нравилось то, что я делаю, Марк поддерживал меня в моих идеях для перформансов... С каждым новым выпуском программы, я на глазах ощущала свою растущую семимильными шагами популярность... Это еще больше вдохновляло меня... Использовала накопленный опыт классической хореографии, восточного танца... И главное – собственных душевных переживаний... Последнее, наверное, главное... Танцем тогда я выражала все то, что было на душе... Можно сказать, так лечилась... Зритель, наверное, это чувствовал... Чувствовал мою искренность, поэтому и любил... Вот, собственно, и все...

– Вы говорили, что выражали то, что на душе... А что было на душе, Оксана? Ваши переживания как – то были связаны с вашей жизнью на Ближнем Востоке? Знаете, а ведь это очень интересная глава Вашей жизни, малоизвестная, я бы сказал... Вы ведь работали танцовщицей, очень успешной,

но не получается найти хоть какие- то видео ваших выступлений тех лет... Только разве что из частных архивов... Почему так? Что за этим стоит?

– Наверное, кто- то посчитал, что они не достойны того, чтобы люди их видели...

– Такое возможно...

– Наверное, да...

– Сложно Вам было в Париже первое время? Вы приехали в пустоту... Чужая страна, чужой язык, чужая культура... Говорят, мы не очень- то дружелюбны к иностранцам...

– Мне очень помогли люди, от которых, я этой помощи вообще и не ждала... Конечно, без нее, было бы очень сложно... Банально, мне даже о месте жительства думать не пришлось- подружки предоставили замечательную квартиру в одном из лучших районов города... Я оказалась большой счастливницей...

– Скоро Ваша свадьба, Оксана... Вы счастливы?

– Очень... У меня есть все то, о чем я мечтала...

– Марк- мужчина Вашей мечты? Вы можете сказать, что ваш успех- во много его заслуга? Это ведь классика жанра- молодая красивая ученица у опытного прославленного мэтра... Наверняка, недоброжелатели с этим связывают Ваш успех?

– Понимаю, что это может выглядеть именно так, но ничего, никому я доказывать не собираюсь... Просто могу ска-

зять, что я была благословлена небесами на эту встречу... Марк— мужчина, о котором бы мечтала любая девушка... И да, я не отрицаю факт того, что если бы не он, ничего бы этого не было... Он из категории тех спутников, которые заставляют тебя быть лучше, мотивируют, возвышают женщину рядом... Как минимум, в этом уж точно его заслуга... Это он, не давал мне опускать руки тогда, когда хотелось это сделать, как никогда в жизни... А остальное— это наше личное...

— Что Вы можете сказать юным, неопытным девочкам, только идущим по пути поиска славы и успеха?

— Посмотрите на меня и ничего не бойтесь... А еще... Хочу еще раз повторить— иногда нужно почувствовать себя максимально слабым, чтобы понять свою истинную силу...»

Сколько раз он прочитал это интервью? Десять раз, пятнадцать? Как долго и пристально рассматривал ее откровенные фото, узнавая так хорошо знакомые изгибы желанного тела... В какой агонии горел, как ругался в пустоту, сжимая до одури кулаки... Снова щедрый глоток, обжигающей горло, солодовой жидкости... Нет, сегодня надо подключать артиллерию потяжелее... Бухло не помогает...

В комнату неуверенно постучали.

— Да... На месте? Хорошо, пусть заходят...

Через секунду в помещение нырнули две рыжеволосые девушки. Молодые, аппетитные... Волосы вроде бы даже и натуральные... Впрочем, ему все равно... Утром он их даже не

вспомнит... Суррогат нужен на сейчас... Он закрывает глаза и представит Её... Главное то, кто будет у него в голове... А если вдруг придется открыть глаза, увидит копну рыжих волос...

– На центр комнаты, – повелительно обратился без приветствий и расшаркиваний.

Подошел, критично осматривая... Эти две стоили ему более, чем немало... Сутенер Эрик сказал, что находить свеженьких рыжеволосых девочек с каждым разом все сложнее, а по второму кругу, Микаэл уже пробованных не хотел... На самом деле, ему было плевать... Он не помнил ни их запаха, ни их вкуса... Ничего не помнил... Просто сказал так, по инерции, как делал раньше, когда был еще адекватным, свободным мужиком в расцвете сил, с чистыми, не отравленными мозгами одной– единственной... Так что в следующий раз можно и не брезговать, взять кого– то из тех, кого имел... А эти... Эти ничего, хоть, конечно, и не стоят своих денег...

– Я Мила, господин, – сказала та, на которую он сейчас долго и пристально смотрел, думая об Оксане.

– Меня не интересует, как тебя зовут... – грубо осек ее он. Знала бы дуручка, что его взгляд был столь же слеп и пуст, как если бы он пялился в черную пустоту...

– Вы знаете, что от вас требуется? – обратился, сразу переходя к делу, – готовы?

Те волновались, но утвердительно кивнули... Молодой, сексуальный мужчина нравился им... Нечасто клиент бывал

так привлекателен... Нечасто так щедро платил...

– Никаких жалоб после, ясно? – потянул вторую девицу за волосы назад, – и что бы я ни говорил и ни делал, как бы я вас ни называл, вы молча выполняете мои приказы...

Внимание: автор резко осуждает поведение главного героя! Особенно употребление им запрещенных веществ, приводящих не только к деградации личности, но и к летальным последствиям!!!

Васель прошел вглубь помещения, увидев посреди комнаты, на огромном диване, голого спящего сына в объятиях двух рыжеволосых дешевок. Бросил быстрый взгляд на журнальный столик. Пустая бутылка виски, белые хлопья, рассыпанные пылью по стеклянной поверхности, журнал, раскрытый на определенной странице, с уродливыми волдырями от попавших на лощеный глянец щедрых капель – то ли воды, то ли алкоголя, то ли чего – то еще...

Хлопнул в ладоши. Первыми ожили две потрепанные нимфы, при виде постороннего мужчины, заметно стусевавшиеся спросонья и бросившиеся тут же наутек, в соседнюю комнату, в поисках своих вещей. Васель проследил за ними с бесстрастным выражением лица. Кашлянул. Наконец, в движение пришел и Микаэл, насилу разлепивший глаза. Увидев отца, сильно дернулся, тут же пытаюсь найти что – то, чтобы прикрыться. Васель поморщился. Бросил ему рубашку, валяющуюся на полу, белой тряпкой капитулянта.

– У тебя пять минут, чтобы принять душ и превратиться из животного в подобие человека... Я жду в кабинете... И лучше тебе не заставлять меня ждать долго...

Микаэл действительно не заставил отца ждать. Зашел в кабинет. Плюхнулся на диван, громко выдохнув. От него сильно разило перегаром. Лицо было немного опухшим после оргии, голос хриплым, глаза красными.

Васель сидел в его кресле, ритмично покачиваясь. Внимательно смотрел на сына. Напряженное молчание затянулось. Его прервал Микаэл.

– Ну, давай... Говори мне, какой я мудака... Ты ведь так любишь это делать...

Но Васель, продолжал молчать... Просто прожигал сына своими пронзительными голубыми глазами... Казалось, думал...

– Знаешь, Мика, почему твоя мать так не любит этот дом? – спросил вдруг, казалось бы, на совершенно постороннюю тему.

Микаэл внимательно посмотрел на отца, зная, что его вопрос не предполагает ответа... Увейдат начал свой поучительный диалог. Что ж, придется хотя бы для вида его выслушать...

– Я нечасто говорил с тобой об этом... Мне казалось это неудобным, неприличным... Но... Ты и сам прекрасно сей-

час понимаешь, что у нас с твоей мамой в жизни были разные периоды... так вот, когда— то я точно так же, как ты, сходил с ума в своей одержимости... Я маниакально хотел растворить ее в себе, сделать своей неотъемлемой частью, сделать так, чтобы она дышать не могла без меня... Мне казалось, я любил так сильно, что за такую любовь ей стоило быть благодарной... Я сам не видел, сколько боли ей причинял... Этот дом почти стал ее клеткой... Да, нам было с ней хорошо... Думаю, в тех же ситуациях и обстоятельствах, что и тебе было хорошо с твоей танцовщицей, но в остальном, я только намного позже понял, сколько боли я ей давал в этих стенах... Даже не физической, хотя, признаюсь, и это было, моральной... душевной... А когда она вырвалась, точно так же, как ты, начал уничтожать себя, думая о том, что упустил по неосмотрительности, горячности и неправильной расстановке приоритетов... Разница была лишь в том, что власть, свалившаяся на меня, необходимость выводить страну из войны, накладывала свой отпечаток, заставляла быть ответственным, уходить от личных проблем, сублимируя их государственным... Возможно, таковой была моя судьба, будь она рядом, я бы не мог посвящать себя, так много и так отчаянно, только стране... Я работал сутками напролет, делая все, чтобы только не думать о ней. Засыпал прямо на рабочем месте, а она настигала меня, даже во сне... Это была пытка, гребанная пытка... Думаю, сейчас ты испытываешь нечто похожее... Не дай Аллах это испытать никому... Что,

скажи, уже дошел до того, чтобы нанимать людей за ней следить?

Микаэл раздраженно отвел глаза от отца...

– Если ты это делал, почему я не могу... – еле слышно произнес, – или в этом мне тоже отказано...

– Знаешь, Мика... Я бы ничего против не сказал, если бы в этом был хоть какой– то смысл... Да, я имел целую группу людей, следивших за твоей мамой, когда она была замужем за Каримом, но я делал это потому, что мы оба, на самом деле, всегда любили друг друга, и я точно это знал... Никогда не прекращали этого делать... Это знал даже он... Все мои страдания и усилия стоили того, потому что за ними стояла наша истинная, большая любовь... Да, пусть болезненная, странная, но эта любовь была искренней, обоюдной, взаимной... Именно поэтому мы сейчас вместе и вопреки всему...

– К чему это всё, отец? Я не ты... Мы ведь уже это уяснили. Ты давно это констатировал, с досадой или торжеством... Великий Увейдат один... Все его отпрыски тебя не достойны... Жаль, что мать не подарила тебе еще одного наследника... Правда, с чего ты взял, что он бы стал лучше нас, непутевых?

Снова наблюдательный взгляд Васеля... Словно он игнорировал все то, что выливал на него Мика... Годами скопленные, застрявшие между сердцем и горлом обиды, не дававшие спокойно дышать, жить...

– Знаешь, сынок, иногда я смотрю на тебя– и мне стано-

вится страшно от мысли о том, как мы похожи с тобой... Не только внешне... По судьбе... Ты тоже заигрался в этот чертов любовный треугольник...

– У меня нет никакого треугольника, – зачем– то перебил Микаэл отца.

Тот нетерпеливо поднял два пальца вверх, призывая его помолчать, не перебивать.

– Есть, Мика..., и я даже не про этого мужика, который сейчас с ней. Да, не удивляйся... Пока ты приводил себя в божеский вид, я успел прочитать эту статейку... Предвосхищая твой вопрос и видя твою поджатую челюсть, отвечаю – ее тело я тоже рассмотрел... Красивая. По– мужски я тебя понимаю... Наверное, я бы назвал ее дешевкой, раз она позволила себе выставлять все это, на всеобщее обозрение... С другой стороны, это ее работа... Она успешна в ней... Всегда была успешна, пусть и масштабы славы были иными... Поэтому осуждать я ее не буду... Проблема как раз не в ней, а в тебе... Так вот, твоим соперником с самого начала были не чужие мужики, смотрящие на нее, и даже не ее талант, Мика... Ее амбиции... ее тщеславие– вот твои главные враги... Девушка хотела не тебя и не твоих богатств, она хотела восторга и обожания... Хотела славы, хотела аплодисментов и фанатов... Возможно, предложи ты ей просто покровительство, как это было изначально, у вас все было хорошо, но ты начал зачем– то устраивать весь этот цирк со свадьбой, обрядил ее в хиджаб, стал запирать дома... Она по– любому

бы сбежала, Микаэл... Открой, наконец, глаза... Все так, как должно было быть... Она хотела славу? Что ж, она ее получила... Отпусти ее... Хватит уничтожать себя, Мика... Она не достойна тебя, раз выбрала искусственный блеск софитов и мнимую любовь публики, а не истинные чувства... Пусть идет своим путем... На свете столько красивых женщин, а ты... Находишь ее дешевых копий, закидываешься бухлом и наркотой и сношаешь их, как последний слабак... Узнай она об этом, звонко бы хохотала над тобой...

– Все не так, отец... – сквозь зубы, проговорил Микаэл, – Я изменял ей...

Васель усмехнулся...

– Хорошо, даже если так, своим саморазрушением сейчас, ты чего добиваешься? Она только расцветает, что– то не видно, чтобы она сильно горевала на этот счет... А вот ты вгоняешь себя в могилу, сын... Пожалей мать... На нее смотреть страшно... Она вся на нервах... Да и вообще, это еще большой вопрос, кто из вас виноват в этой твоей измене... Может быть, ты добирал ласку и теплоту, которые она тебе дать была не в состоянии? Знаешь, мужчин в постель к другой толкает много поводов, но вот причин всего две, как ни крути. Это, либо когда не любишь, либо когда чего– то недополучаешь... Вот мне кажется, у тебя второе...

– Я тоже так себя оправдывал... Не помогает, отец, прекрати... Я облажался... Глобально облажался... И потерял

её... Эта чертова Асмахан... Понимаешь, она так смотрела на меня... С голодом, обожанием, восхищением... В глазах Оксаны я видел только холод, одолжение, даже снисходительность... Она словно позволяла мне быть с ней рядом, а эта... Сука... НЕ знаю, что на меня нашло... Ладно бы хоть раз... Но я шел к ней снова и снова, стоило только Оксане снова залезть в этот свой панцирь страданий и неприязни к жизни со мной... Я, словно так мысленно наказывал ее за равнодушие, а потом... Когда она ушла, вмиг все это стало выглядеть иначе... Я любил... Но я не слушал, не понимал... Я не пытался разобраться в проблеме, а только убегал от нее...

– Хорошо, ответь мне на вопрос. Ты бы принял ее сейчас такой, какая она есть? Выставляющую свою задницу, под вспышки фотокамер, на журнал, тиражом в сто тысяч экземпляров? – деловито спросил Васель, не ходя вокруг да около.

– Нет, – честно ответил Микаэл... – Не принял бы...

– Вот и все, Мика... Об этом я и говорю... Всё, уймись... У вас разные пути... Хоть эта девица и пытается тебя задеть, даже на расстоянии.

Микаэл засмеялся печально.

– Что ты говоришь? Она и не вспоминает обо мне...

Теперь усмехнулся Васель.

– Послушай меня, мальчик. Я не первый год живу на этом свете. Подольше твоего... Она делает это все, – пренебрежительно сгреб журнал со стола и потряс им, – чтобы позлить

тебя... Эти татуировки, голый зад в объективы, эти слова про то, что ты там ей дал или не дал... Она сука, Микаэл... Не достойная сука, которая специально держит тебя за яйца, пусть и на расстоянии...

– Не называй ее так! – резко огрызнулся, – Не держит... – снова хриплый ответ в пустоту. Он словно не с отцом говорил, со своей совестью, – я сотни раз пытался хотя бы заговорить с ней. Ей плевать... Она... просто живет... жизнью, которую хотела...

– Вот именно! Она получила все, что хотела... Оставь ее в покое! Иди дальше... Пусть она поймет, что потеряла тебя! Хватит этих унижений!

Микаэл нервно закурил, обильно выдыхая белесый пар в воздух.

– Так легко об этом говоришь... Что же сам не пошел дальше? Сидел годами и страдал по женщине, вышедшей замуж за другого...

– Ты ничего не знаешь... Не поднимай эту тему...

– Я знаю достаточно... Оставь, отец, это пустое...

Снова молчание. Тяжелое, напряженное...

– И что дальше? Лечение от наркозависимости? Передоз? Начнешь увечья себе наносить? Да что там увечья... ты бухаешь и садишься за руль, Микаэл... Я ведь знаю, ты снова стал гонять, словно мальчишка, словно тебе восемнадцать лет, и ты что– то хочешь мне доказать... Остановись... Это путь в никуда... Мать свою пожалей... Она за последние пол-

года похудела на десять килограмм из— за твоих выходов...

Микаэл молчал... Он и сам, оставшимися мозгами, после гулянок, пьянок и оргий понимал, что его путь ведет в тупик... Вернее, в бездну... Где ему, Аиду, и место... Он закончит там, на дне преисподней... И не сможет вырваться наружу... В отличие от Нее, у него нет крылышек...

Васель встал...

— Мы с твоей мамой хотим, чтобы ты на время переехал к нам, Мика... Давай снова почувствуем себя семьей... Постараемся немного выдохнуть... Это нужно нам всем... Маме одиноко... Ты ведь наш первенец... К тебе отношение особое...

Микаэл снова печально усмехнулся... Знает он это «особое» отношение... Но вслух ничего говорить не стал... Поплелся за отцом. Тот не стал устраивать длительных прощаний, прекрасно понимая, что Микаэлу нужно дать время переварить то, что он сейчас услышал. Поступил в своем стиле — сел в автомобиль и укатил. Микаэл встал на крыльце дома, закурил очередную сигарету. Посмотрел перед собой. В небе занимался восход... Это как же рано Васель его разбудил. Не было и пяти утра... Еще бы спать да спать, а лучше вообще не просыпаться... В жемчужной серости небосклона появился нежный диск солнца... Чистый, ласкающий... Внезапно на него накатила такая сильная боль... Не за Оксану, на этот раз нет... Его поразила боль иного характера — боль того, что в очередной период обострения, когда перед

глазами снова будет тьма и отчаяние, он больше не сможет вот так вот открыть глаза и посмотреть на удивительно красивый, чистый день, полный надежд... Что так и останется в черноте... В беспросветной мгле своего порока, черноты и отчаяния...

Вечером его автомобиль заехал на территорию резиденции премьера... Из машины вышел Мика с небольшой сумкой в руках. На следующий день начались его сеансы психотерапии, настоящие сеансы психотерапии... Влада и Васель радовались... Даст Бог, все наладится... Даст Бог, он забудет эту рыжеволосую девицу... И только старая служанка Асма, когда разбирала вещи блудного сына, увидела тот самый журнал, с почти голой Оксаной на обложке и презрительно плюнула от увиденного бесстыдства...

Каждую ночь он смотрел на ее фото и шептал в пустоту...
«Я научусь без тебя жить, бабочка... Научучь... Научусь... Научусь...»

Глава 4

Мадлен

– Да, скоро буду, – выпалила Мадю быстро, в голосовое сообщение в Вотсапп, на турецком, накидывая, на обтянутую белой шелковой блузкой фигуру, темный строгий пиджак. На ходу допивая, до невозможности крепкий кофе... Такой, какой любили пить в Дамаске, с кардамоном. Густые, кудрявые волосы девушки, рассыпались волнами, при каждом ее стремительном шаге. Быстро подошла к Анвару, держащему на руках малыша Удея, потискала сынишку пальцами за щечку, схватив сумку, направилась на выход.

– Ладно, к вечеру буду... Сдаю смену тебе... – деловито произнесла с легкой улыбкой.

– Мадю, ты выглядишь как– то чрезвычайно заговорщицки... Ты точно не влезла опять в какие– то приключения? – спросил Анвар настороженно, крепко обнимая своего сына, его точную копию.

Усмехнулась, поправив волосы на ходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.